

ПАРТИЙНЫЕ ЧАСОВ НЕ НАБЛЮДАЮТ О ЧАСОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА АЛЕКСАНДР ГАБУЕВ

— Китайский премьер-министр
Вэнь Цзябао движется в такт
вместе со своим народом —
на утренней зарядке в одной
из северных провинций

— Скончавшийся
35 лет назад Мао
Дзэдун и сегодня
не позволит китай-
ским чиновникам
бравировать
роскошью

Китайское экономическое чудо, конечно, совсем не похоже на сырьевой бум в путинской России. Там — три десятилетия упорного карабкания экономики в гору за счет грамотного использования единственного конкурентного преимущества: десятков миллионов голодных, но трудолюбивых и дисциплинированных людей, готовых работать ради ложки риса и будущего своих детей. Тут — хребет ненародного хозяйства: две трубы (нефтяная и газовая), танки, ракеты, металлы, металлолом, ну и еще по мелочи. Но социальный материал, который произвели китайское и экономическое чудо, местами поразительно похож.

И Китай, и Россия — страны нуворишей. Огромные деньги появились буквально за несколько лет и тут же были распределены. Причем не слишком равномерно. Очень-очень быстро зародился слой очень-очень богатых людей без развитой культуры материального богатства и употребления денег. Ведь и мы, и китайцы свои гены богатой аристократии дружно повырезали да повыгоняли за рубеж еще в начале прошлого века, а потом систематически добивали остатки. Неудивительно, что представители новой элиты и у нас, и у них прежде всего отправились в погоню за новыми артефактами — овеществленными знаками своего статуса и положения в обществе. У китайцев эта тяга легла на богатую историческую традицию с ее жесткой регламентацией одежды для представителей разных сословий.

И в Китае, и в России механические часы оказались одним — если не самым главным — из этих артефактов. Точно так же, как раньше китайские чиновники-мандарины и разбогатевшие ростовщики стремились навесить на себя украшения из бирманского нефрита, теперь партийные бонзы и хваткие дельцы бросились скупать благородные механизмы из горной Швейцарии. И делали они это с неменьшей страстью, чем наши бывшие комсомольские работники, переселившиеся в уютные кабинеты больших начальников правящей партии, или выжившие в лихие девяностые герои эпохи первоначального накопления капитала. Как и у нас, десятилетия

— Витрина
швейцарского
часового гиганта
Rolex в центре
китайской
столицы

богатства оказались способны развивать вкус: от массивных золотых-бриллиантовых героев эволюционировали к часам с усложнениями, где красота механизма бьется под крышечкой.

Пожалуй, «новые китайские» образцы девяностых и их более благообразные изводы эпохи нулевых даже более азартны в своей любви к дорогим часам, чем соотечественники. Ведь для многих из них творение швейцарских мастеров может отмерять время до очередной антикоррупционной кампании, которая рискует обернуться сроком в лагере, конфискацией имущества и даже расстрелом. И хотя в тюрьме оказывается в лучшем (или в худшем, конечно) случае каждый сотый из легиона партийных коррупционеров, многие китайские богачи вырабатывают поистине удивительную способность наслаждаться быстротечностью времени, чувствуя, что веселье может вот-вот закончиться. У нас же часы на руке чиновника или менеджера какой-нибудь госкорпорации «Газнефть» чаще всего в лучшем случае с невыносимой скукой отмечают время до отставки в связи с утратой доверия и отъезда в Лондон. Или до выхода на сытую пенсию на Лазурном берегу.

Но есть и еще одно отличие. Если внимательно смотреть китайский телевизор с нудными репортажами о заседаниях политбюро или встречах любимых руководителей с крестьянами и солдатами, на запястьях престарелых обитателей китайского политического олимпа редко можно увидеть часы. А бросающиеся в кадр золотые — уж точно никогда. Здесь вице-премьер по промышленности не будет бросать в бетон бесценные хронографы во время закладки электростанций. А генеральный секретарь Ху Цзиньтао не может подарить рабочему на заводе часы Blancpain, просто сняв их с руки и назвав «недорогими». В стране, где десятки миллионов людей с трудом добывают себе пропитание, а по вечерам расслабляются у телевизора, потому что в деревне нет других развлечений, высший руководитель просто не может себе позволить носить на публике дорогие часы и нарочито поглядывать на них во время совещаний. Настоящий шик высшего китайского руководителя — это отсутствие часов и неладно скроенный костюм. Лишение всех внешних атрибутов, столь милых нашим царедворцам, яснее выявляет саму суть — власть руководит страной, каждые несколько лет удваивающей свой ВВП. Это различие многое объясняет.